ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАБАВЫ А. АНИКСТА

СРЕДИ множества серьезных, интересных и поучительных статей, опубликованных нашими журналами и газетами в связи с 50-летием со дня смерти Л. Н. Толстого, нам довелось познакомиться с такой, которую без преувеличения можно назвать из ряда вон выходящей. Это статья А. Аникста «Лев Толстой — ниспровергатель Шекспира» (журнал «Театр», № 11).

Кажется, нет такого вопроса, такого положения, связанного с оценкой и пониманием Л. Толстого, в рассмотрение которого А. Аникст не внес бы своего суждения, противоречащего установившимся взглядам на Л. Толстого и самому обыкновенному здравому смыслу.

Судите сами.

Комментируя слова Тургенева о глубине и совершенстве толстовского метода психологического анализа, А. Аникст вполне серьезно заявляет: «Да, Л. Толстой действительно мог войти в душу любого живого и неживого (!) существа». Далее мы узнаем, что Толстой будто бы «начисто» отвергает «все, что человечество делало до сих пор». Неужели так уж все, и даже начисто?

У читателя невольно складывается впечатление, что перед нами большой забавник, любитель парадоксов, рассчитанных на эпатаж. Но, внимательно вчитываясь в статью, приходишь к выводу, что если перед нами забавник, то особого рода. С несвойственной обычным забавникам тенденциозностью А. Аникст крайне непочтительно и в некотором смысле безответственно обращается с фактами, получившими глубокую и точную ленинскую оценку. В статье «Герои «оговоря-

◇
И. АСТАХОВ
◇

ки» попытку небезызвестного В. Базарова трактовать Л. Толстого как совесть русской интеллигенции В. И. Ленин назвал образчиком беззаботности, беспринципности в оценке Л. Толстого, поощрением интеллигентской «слякоги», «принаряживанием «слякоти» фальшивыми цветами», подпеванием веховщине. Аналогичные суждения о Л. Толстом М. Неведомского В. И. Ленин охарактеризовал как манеру декламации, свойственную «либерально-буржуазной публицистике». Между тем А. Аникст рассматривает Л. Толстого как «духовного учителя, совесть человечества», то есть в какой-то степени повторяет оценки В. Базарова и М. Неведомского.

В Толстом, как выразителе идей и настроений многомиллионного крестьянства, В. И. Ленин видел сильные и слабые стороны. Наряду с беспощадной критикой капиталистической эксплуатации, разоблачением правительственных насилий, казенной церкви, лицемерной морали господ Толстой, не понявший революции и отдавшийся от нее, проповедовал непровлечение злу насилем, нравственное самосовершенствование и т. п. В свете этих общезвестных фактов в эпоху триумфального шествия марксистско-ленинского мировоззрения называть Л. Толстого духовным учителем, совестью человечества могут только подражатели беззаботности и беспринципности в оценке Льва Толстого.

Не может не вызвать возражения и попытка А. Аникста объяснить толстовское неприятие Шекспира мотивами варварства. По Аниксту получается, что толстовское отрицание культуры, искусства и значения Шекспира аналогично разрушению европейскими варварами античной цивилизации, борьбе средневекового крестьянства против феодалов. Там и здесь, говорит А. Аникст, все сокрушалось, «в народе возникала ненависть к творениям человеческого гения... Разрушительный пафос выступлений Л. Толстого против культуры, искусства и его великих мастеров, в числе которых был и Шекспир, питался настроениями именно такого порядка».

Какие имеются основания для отождествления толстовской критики великого драматурга с все разрушающим, всеуничтожающим варварством? По нашему мнению, никаких. Толстовская критика Шекспира носила по преимуществу нравственный и эстетический характер. Это была критика пером, а не критика оружием. На каком же основании А. Аникст утверждает, будто Л. Толстой подобно крестьянам, восставшим против феодала, «пустил красного петуха, в котором должен был среди прочего сгореть и Шекспир»?

Аналогия более чем неуместная. Шекспир был выразителем не феодальной, а ренессансной Европы. При чем же здесь «красный петух»? Будучи разновидностью поэтического сравнения, метафора, неосторожно использованная А. Аникстом, толкнула его на путь упрощенчества, вульгаризации. Толстовская критика Шекспира не выходит за рамки идеологической борьбы,

уже по одному этому в ней нет ничего «варварского». Называть ее, как это делает А. Аникст, «глубоко революционной», тоже неправильно. В этой критике выразилась не сила, а слабость Толстого.

Расширительное, внисторическое толкование толстовского неприятия искусства и Шекспира А. Аникст доводит до недавней дискуссии о лириках и физиках и утверждает, что устами отрицателей искусства и прекрасного «говорит еще не переросший до конца потомок рабов, не умевших ценить духовные ценности».

Склонный к далеко идущим аналогиям, А. Аникст спутывает в один клубок рабство, средневековое варварство и антифеодальную борьбу с современными влияниями буржуазной технократической идеологии, которая нашла свое отражение в позиции отрицателей роли искусства и прекрасного в коммунистическом воспитании. Поражает отсутствие логики. С одной стороны, А. Аникст находит постановку Толстым вопроса о Шекспире «глубоко революционной», его «аргументы вескими», его анализ «убийственным в своей убедительности», с другой стороны, утверждает, что «Толстой применяет непропорциональный метод анализа» и терпит неудачу в своей попытке ниспровергнуть Шекспира. Получается, что из глубоко революционной постановки вопроса «ничего не вышло».

Смысл отрицания Шекспира Толстым А. Аникст видит в «столкновении двух поэтик». Дескать, мышление Шекспира было поэтическим, мышление Толстого — рационалистическим. При этом рационалистичность Л. Толстого почему-то объясняется словами Шиллера как «рассудочное мудрствование и по правилам построенный образ». И это говорится о Л. Толстом! Можно подумать, что речь идет не о великом реалисте, несравненном

знатоке диалектики души, а о классицисте, строящем образы по канонам поэтики Буало.

Здесь мы подошли к тому, ради чего писалась статья «Лев Толстой — ниспровергатель Шекспира». Спор Толстой — Шекспир не окончен, говорит А. Аникст. В бунте Толстого против Шекспира, как и в известном бунте раннего Маяковского против Пушкина, А. Аникст видит прогрессивное движение истории искусства от одной вершины к другой. В наши дни, как думает А. Аникст, назрела необходимость смены художественного метода, идущего от Л. Толстого, новым методом, который может явиться шагом вперед в художественном развитии человечества, живущего в атомный и космический век. Меняется и драма, возвращаясь «к шекспировскому универсализму». Дело, однако, в том, думает А. Аникст, что новая драма вместе с новыми начинаниями в других областях искусства «наталкиваются на эстетическое неприятие, столь же резкое, каким было отрицание Шекспира Толстым». Не замечая смешного, А. Аникст ругается за то, что если бы журнал «Искусство» objavил дискуссию о Репине и о живописи, то нашлось бы достаточное количество авторов, которые разгромили бы его «устаревшие» эстетические принципы и расчистили бы путь новой живописи. В музыке этот процесс, по мнению А. Аникста, уже происходит, несмотря на то, что его развитию пытались препятствовать. Другими словами, получается, что советское искусство стоит на пороге кризиса, точнее сказать, уже вступило в полосу кризиса, который будто бы также неминуем и закономерен, как вращение Земли вокруг своей оси.

Концепция, изложенная А. Аникстом, не нова. Вместе с теми, кого не устраивает социалистический

реализм, он пытается расчистить путь модернизму, назвать который прямо и открыто ему мешает ложный стыд. Видимо, чувствуя, что защищаемая им позиция представляет собою разновидность эстетического нигилизма, А. Аникст в порядке защиты нигилизма от обвинений в нигилизме пишет: «Нельзя называть нигилизмом новое в искусстве, даже если оно молодо, незрело, эстетически еще не покорило всех».

Тщетно называть модернизм новым искусством. У этого искусства за девяносто прожитых им лет выросла солидная борода. Дело, однако, в том, что и в годы своей исторической молодости, и в наши дни модернизм, как показывают факты, молодым не был. Идеино-эстетическая дряблость была и остается его канной печатью. И сколько бы ни называли дряблый модернизм «новым», молодым искусством, каждый понимает: новое, если оно не лучше старого, не имеет смысла.

Нам кажется, что предпринятый от лица Л. Толстого поход А. Аникста за гальванизацию модернизма ничем, кроме конфуза, увенчаться не может. Когда он призывает к защите «нового» искусства, нам слышится: «Старье берем!». Следует учесть и то, что Л. Толстой, именем которого прикрывается «новое» искусство, всеми фибрами своей души презирал его. В этом смысле у Л. Толстого сейчас больше последователей и горячих сторонников, чем при его жизни. Совершенно ясно, что литературные забавы А. Аникста имеют дурной подтекст.

Литература
и ЖИЗНЬ

16 декабря 1960 г. 3 стр.